

HARLEQUIN®

111

TM

Соборя Джемс

НЕЗАБЫВАЕМАЯ НОЧЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

София Джеймс
Незабываемая ночь

Серия «Джентльмены чести», книга 1
Серия «Исторический роман
– Harlequin», книга 111

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63404322
Незабываемая ночь: Центрполиграф; Москва; 2020
ISBN 978-5-227-09095-9

Аннотация

1812 год, Париж. В отсутствие Наполеона обострилась борьба между его приверженцами и противниками. В этой борьбе погибает преданный императору и одержимый идеей справедливости Август Фурнье. Его дочери Селесте не остается ничего другого, как стать членом тайной организации. Она интригует, шпионит, покупает и продает ценные сведения. И однажды ей удастся узнать, что лучшему агенту английской разведки майору Саммерли Шейборну грозит опасность. Шейборн – ее первый мужчина и первая любовь, поэтому она решает пойти на риск и предупредить его о нависшей над ним угрозе. Молодые люди решают бежать вместе. За

ними организована погоня, а впереди их ждут опасности и приключения. Ну и, конечно, любовные страсти...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	73

София Джеймс

Незабываемая ночь

Я хотела бы посвятить эту книгу моей замечательной матери, Джуэл Кивелл. Она всегда была одной из самых больших поклонников моего творчества, и я очень по ней скучаю.

Глава 1

Париж, Франция – июнь 1812 года

Майор Саммерли Шейборн открыл дверь своей квартиры на улице Сен-Дени, вошел в затемненное сумерками помещение и с удивлением обнаружил ожидавшую его молодую женщину. На ней были очки с толстыми стеклами, светлые, почти до белизны, волосы небрежно собраны на затылке. Ему никогда не доводилось видеть подобного цвета волос, по крайней мере у дам ее возраста, и это наводило на мысль о намеренном его изменении.

– Я пришла предупредить вас, монсеньор.

Шейборн заметил, как в левой руке женщины блеснуло лезвие ножа и быстро исчезло.

– Предупредить, мадам? О чем?

По привычке он стал вслушиваться, однако ее манера произносить французские слова не давала возможности выявить особенности, а с ними и принадлежность к определенному региону. Так не говорили нигде.

– За вами следит Савари и его люди из министерства. – Дикция ее была четкой. – Вы позволили себе вести слишком много разговоров о французской военной политике на Марсовом поле и в кофейнях; люди начинают задаваться вопросами.

Женщина зажгла свечу, повернула голову так, чтобы пла-

мя не падало ей на лицо, затем подняла ее и поднесла к лицу майора. Таким образом, его лицо было освещено, ее же оставалось в тени.

– Некоторые осмелились предположить, что вы вовсе не американский офицер.

– Кто вы?

Незванная гостья коротко рассмеялась, хотя ничто в ее облике не говорило о веселье. От этих звуков по спине у Шейборна пробежал холодок.

– В политических сражениях не берут пленных. Одно неверное движение – и вы мертвец. Даже любопытный и очаровательный иностранец не застрахован от того, чтобы однажды нож скользнул меж его ребер. – Пламя не дрогнуло, подчеркивая, насколько уверенно она держится. – Люди из тайной службы будут здесь через несколько дней, они начнут задавать вопросы. Вы шпион, майор Шейборн, и представляете ценность для обеих сторон. В жизни всегда наступает момент, когда удача разворачивается спиной и уносится прочь.

Шокированный ее словами, Саммерли невольно обернулся.

– Почему вы все это мне говорите?

– Прошое, – прошептала женщина, прошла к двери, открыла ее и бесследно исчезла во мраке.

Майор стоял, не шевелясь, обдумывая услышанное.

Прошое.

Теперь что-то в облике незваной гостьи казалось ему знакомым. Что-то, скрывающееся за линзами очков, в интонациях и голосе, под волосами, точнее, под париком, он был уверен в этом. Воспоминания походили на вспышку молнии. Шейборн выпрямился, пытаясь удержать равновесие и преодолеть дрожь.

Она легко шла по улочкам, ведущим к Пале-Рояль, затем по переулкам к улице Пети-Шам, время от времени заставляя себя замедлить шаг из опасения, что быстрый темп привлечет ненужное внимание. Поздний июньский вечер радовал прохладой, хотя прогретые булыжники мостовой, ворота и стены с южной стороны уже намекали на предстоящую жару. Женщина остановилась и провела рукой по камню, покрытому песком, словно патиной. Впереди была видна таверна, в которой она иногда останавливалась, сейчас шумная и полная посетителей. Скрывшись от посторонних глаз в тени, она сняла бросавшийся в глаза новый и очень дорогой парик и накинула капюшон шелкового плаща.

Сейчас у нее нет желания ни с кем встречаться, говорить и объясняться. Она мечтала вымыться и провести час-другой на балконе с бокалом «Пуйи-Фюме», источающего особенный дымный аромат. Вино было куплено вчера в Марэ у еврейского лавочника, имевшего хорошие связи с виноделами из плодородных долин Луары. Больше всего на свете она хотела сейчас остаться одна.

Пожалуй, следовало послать кого-то предупредить Шейборна. Передать с ним записку. Или пойти лично, но говорить шепотом и в темноте, не зажигая свечи. Можно было найти несколько вполне действенных и безопасных способов, однако она ими не воспользовалась. Пошла лично и сказала то, о чем следовало молчать.

Прошрое.

От этого слова охватывал стыд и закипала кровь. Прошрое сделало из девушки, которой она была, женщину, которой стала.

Она осмелилась отправиться к Шейборну лично, потому что люди из полицейского и военного министерств искали не только его, но и ее саму. Проведя шесть лет в подполье, она исчерпала все возможные способы спрятаться. Смерть может настигнуть ее раньше, чем майора, и будет чудо, если этого не случится. Английский шпион, переполошивший всю Францию побегом из Байонны, не только не уехал в Испанию, но и пробрался на север, к самому логову Наполеона. Почему Шейборн так поступил?

Задавая вопрос, она уже знала ответ. Ему необходимы сведения о дальнейших притязаниях императора и численности армии, также важно раньше других узнать, на что он собирается бросить ее мощь: на Россию или на страны континента?

Информация могла существенно изменить ход войны, и британский генерал Артур Уэлсли ждал ее в Испании с боль-

шим нетерпением.

Будь она заинтересована, могла бы прислушаться к разговорам генералов и внимательнее отнестись к тому, что болтали служащие министерства разных рангов. Надо соблюдать осторожность, чтобы не утонуть во лжи, но можно узнать немало правдивых фактов. У обмана существуют пределы, и в ее случае они уже достигнуты. Произошло это именно здесь, в городе, который она больше не могла называть своим.

Она совершила ошибку, доверив документы курь еру, который, как выяснилось позже, обманывал ее, из-за этого погибла почти вся семья Дюбуа. Впрочем, она еще не вполне разобралась в деталях произошедшего, похоже, некто сверху отдал приказ об уничтожении. Как бы то ни было, она имеет отношение к событиям, приведшим к краху. Теперь, после убийства, ее репутация, ее жизнь висят на волоске. Убитые, а среди них двое детей, были хорошими людьми, невинными, не представляющими, до какой степени ужасной может быть война, на какую опасную глубину может затянуть человека, оказавшегося не в том месте в неподходящее время. Эти страхи терзали ее и не собирались отпустить.

Временами без всякой видимой причины возникало ощущение, что она сейчас упадет и задохнется от ненависти, застрявшей в горле, как рыба кость.

Ее действия ограничивала клятва, однако она пыталась найти пути, доступные и в таком положении. В Англию воз-

вращаться нельзя, даже если бы она хотела. Необходимо исчезнуть, желательно, стать другим человеком, но прежде убедиться что выжившие члены семьи Дюбуа в безопасности. Она исполнит свой долг перед ними, к тому же деньги, полученные за проданные тайны, находятся в легкодоступном месте. Дело необходимо завершить.

Порты охранялись, за желающими уехать велось наблюдение. Но она могла перемещаться незаметно, словно тень, по любому городу Европы, а за пределами Парижа ее уж точно никто не найдет.

Мысль заставила женщину нахмуриться. Она понимала, что не сможет оставить майора Шейборна в затруднительном положении, почти на волосок от гибели. Она следила за его квартирой и в первое мгновение удивилась, не поверив, что это действительно он. Неожиданно было видеть его после стольких лет, к тому же на вражеской территории. Лицо Саммерли осунулось, а золотистый блеск в глазах был ярче, чем она помнила. Волосы он красил в темный цвет, хотя время, несомненно, было милосерднее к нему, чем к ней.

– Какой позор, – прошептала женщина. Лоб ее пересекли морщины, вызванные горечью осознания. А ведь она была свежа и красива восемь лет назад, когда приехала сюда с отцом из Англии.

Женщина стряхнула с себя печаль и сосредоточилась на ведущей к дому дороге. Через Биржевую площадь она попадет на тихие, мрачные улочки первого округа, а там неда-

леко и рю Сен-Бергер. Здания здесь менее величественные и украшенные, да и сами улочки узкие. Ее остановил внезапный лай собаки. Немного подождав, она пошла дальше и вскоре уже поднималась по винтовой лестнице. Еще один поворот, и перед ней оказалась дверь ее комнаты. Склонившись к замку, она увидела приклеенный волос. На уличной пыли, рассыпанной у входа, не было следов. Женщина достала ключ, отперла замок и быстро вошла внутрь.

Ее встретила темнота. И тишина. Она с облегчением закрыла глаза, как делала каждый день, когда возвращалась сюда.

Слава богу, за ней никто не следил. На это указывало отсутствие теней, брошенных на круги света фонарей на улицах и около узких арок Лез Аль, здания зернового рынка с купольной крышей. В переулках и на широкой рю де Лувр она не заметила никого подозрительного.

И вот она дома. Им стал на время маленький кусочек Парижа, который она знала теперь, как пять пальцев руки, — каждое лицо, каждый камень и булыжник, каждый звук, издаваемый обитавшим здесь существом. Это знание давало уверенность в собственной защищенности, но и навязывало одиночество, к которому она, впрочем, давно привыкла.

Комната была скудно обставлена, но ей так нравилось. Она провела в этих стенах не дни или месяцы, а годы с того дня, когда убили отца. Эти стены помогали ей выжить в хаосе этого мира.

Прошрое.

Ей не следовало произносить при майоре это слово, даже шепотом. Но в нем был скрытый смысл, та правда, которая, ранив гордость, все же решила показать себя. Она видела, как сверкнули его глаза. Представляя себе их встречу, она уже знала, что реакция будет именно такой.

Сможет ли Шейборн верно распорядиться полученной информацией, ведь у него в запасе всего несколько дней? Она едва сдержалась и не вскрикнула, когда увидела перед собой его лицо.

О том, кто майор Шейборн на самом деле, знал только Жюль, ее контакт в военном министерстве, но вскоре станет известно многим, это лишь дело времени и ловкости ищущих его агентов. Жюлю она хорошо заплатила, купив молчание на сорок восемь часов, однако стоило рассчитывать лишь на двадцать четыре. За такую тайну можно получить сумму, равную приличному состоянию, что несопоставимо с размером полученного от нее вознаграждения. Возможно, у Шейборна нет и двадцати часов.

Макферсон тоже под подозрением. Он работал, играя роль старого шотландца-ювелира, и пытался выяснить правду о передвижении армии Наполеона тем способом, который ни у кого не должен был вызывать подозрений.

Агентам достаточно взять их двоих, и можно получить лорда Саммерли Энтони Уильяма Шейборна. Ее Саммера – так она его называла. Губы привычно растянулись, беззвуч-

но воспроизводя имя. Она поморщилась и сглотнула горечь. Вот только он больше не ее. Судьба вырвала их из объятий друг друга навсегда, изменила до неузнаваемости те невинные души, которыми они когда-то были.

Отодвинув штору, она вышла на балкон и встала так, чтобы ее закрывала стена. Она редко позволяла себе постоять здесь, боясь быть замеченной при свете дня. Да и в те редкие моменты стремилась ощущать плечом что-то твердое, дающее видимость защиты.

Развязав тесьму плаща, она немного распустила лиф и закрыла глаза, наслаждаясь легким ветерком, ласкавшим обнаженную кожу. Соски напряглись, поддавшись силе мыслей, и она откинула голову, позволив себе вспомнить.

Воспоминания.

В ее фантазиях он опять был рядом, она чувствовала тепло его тела, упругую от страсти плоть. О том же самом она думала в те страшные часы после того, как погиб отец, а ее забрал патруль. Ее спасли лишь воспоминания о смелости и чести Шейборна, о том, как нежно он произносил ее имя, это была самая прекрасная музыка под звездным небом Суссекса, прелюдия к гимну любви, наполнявшему звуками мир, в котором она принадлежала любимому.

Несмотря ни на что, она всегда осознавала, что Саммер может быть опасным, как связанный клятвой солдат, в нем удивительным образом сочетались нежность и жесткость. Саммер был человеком, способным преодолеть любое воз-

никшее на пути препятствие и идти дальше.

– Notre Père, qui est aux cieux...

Отец наш небесный... Слова вечной молитвы успокаивали. Она нащупала в кармане четки отца, и пальцы привычно заскользили по отполированному янтарию.

Единственное, о чем она никогда не жалела, ни тогда, ни сейчас, – часы, проведенные в объятиях Саммера. Она никогда не забудет, какой наивной была, наивной и самонадеянной. Все ли юные девушки таковы, или она исключение? Хорошо, что тогда, а не теперь.

Опустив голову, она оглядела тонкие, уже по чти незаметные шрамы на левом запястье. Провела по ним кончиком пальца, не уставая поражаться бесчувственности кожи. Таковой стала и она – израненной, лишенной чувств, сломленной ужасом происходящего, но все же выжившей. Жаль лишь, что она так коротко отрезала волосы – отрастая, они кололи кончиками кожу у лица.

Подняв бокал прекрасного «Пуйи-Фюме», она выпила содержимое почти залпом и налила еще. На душе становилось спокойнее.

Шейборн задернул шторы, зажег еще две свечи и поставил на края каминной полки.

Он устал от Парижа. Устал от ловушек, маневров и темноты этого города. Лишь через несколько минут после ухода гости он понял, кем она была. Селеста Фурнье. Последний

раз они встречались восемь лет назад в Англии. Все, кто видел ее хоть раз, отмечали красоту, но это была малая часть того, что любил он, самое ценное она прятала за улыбкой.

Любил ли он ее? Возможно, это слишком громкое утверждение, но в восемнадцать лет Шейборн был склонен к преувеличениям.

Внезапный стук в дверь заставил Саммерли вздрогнуть. Неужели Селеста вернулась?

Отодвинув засов, он открыл дверь, впустил стоявшего на пороге Ричарда Каннингема и поспешно запер за ним, вспомнив предупреждение Селесты.

– Ты выглядишь так, будто увидел привидение, Рик.

– Возможно, так и есть, – ответил тот, направился к столу и налил себе из принесенной бутылки.

Бренди, к тому же лучший. Что ж, у Каннингема всегда был безупречный вкус, и он не поступался привычками даже в таких условиях.

– В нашем деле возникли проблемы, Шейборн. Вчерашний скандал взорвал разведки всех причастных сторон, и каждая обвиняет противников в перетягивании власти. В результате теперь каждый сам за себя, и получить кинжал в спину все реальнее.

– Ты об убийстве семьи Дюбуа?

– Значит, ты слышал? От кого? – Карие глаза друга удивленно распахнулись.

– Поговаривают, агенты Наполеона убирают всех несо-

гласных с видением императором будущего Франции. В том числе семьи, критикующие режим, как известно, давно прогнивший. Я слышал, власти получили документальные подтверждения, вызывающие сомнения в лояльности Дюбуа. Наполеон сошел с ума от жажды полного подчинения!

– Семена проросли и дали всходы надежды на обретение величия. Если Бонапарт завоюет Россию, никто не остановит его от покорения мира.

– Зима поставит его на колени, попомни мои слова. Между нами и Москвой тысячи и тысячи миль.

– Вижу, ты уезжаешь. Выходишь из игры. – Шейборн покосился на саквояж у двери.

– Да. Сегодня ночью. Предлагаю тебе ехать вместе. Это единственно правильное решение.

Пятнадцать минут назад Саммерли рассуждал так же. Через четверть часа он мог бы уже собрать вещи и быть готовым к отъезду. Отчеты отправлены, его миссия завершена.

Однако он покачал головой в ответ.

– Необходимо еще кое-что закончить. – Мысли его были о Селесте. Он вспомнил, что она подарила ему в Лэнгли, в старом сарае, освещенном лишь лучом бледного зимнего солнца, ворвавшимся сквозь треснутое стекло.

– Джеймс Макферсон знает об опасности? – А были и другие, о которых нельзя забывать.

– Если не знает, то можно предположить, что уровень его интеллекта значительно понизился. Ты разве сам не видишь,

что здесь нам придется закончить? Нельзя ничего сделать, никто не сможет повлиять на исход войны, противоречащей всем законам здравого смысла. Если генерал-коротышка решил перерезать себе горло, то мы не будем стоять и ждать, пока утонем в его крови.

– Куда ты направляешься?

– На север, к побережью. Там найдутся рыбаки, которых золото волнует больше принципов и политики. Они перевезут меня через Ла-Манш.

– Тогда пожелаю тебе удачи и сильного ветра.

– Ты не поедешь?

– Полагаю, без меня тебе будет проще исполнить задуманное. Меня, похоже, разоблачили. Сегодня узнал.

– Бог мой. Так какого черта ты решил остаться?

– Это ненадолго. Уеду завтра к ночи.

– Тебе нужен другой мундир. Я слышал, каждого американца президента Мэдисона будут обыскивать.

– Да, я знаю, но спасибо за предупреждение.

– В лондонском пабе для тебя всегда найдется бренди.

– Только в твоей компании, дружище.

– Ты настоящий герой, Шейборн. Здесь, в Испании, в Англии – везде. Но помни, мы живем лишь раз.

– Так и умираем лишь раз.

– Да уж.

Проводив товарища, Саммерли прошелся по комнате, остановился у стола и залпом допил содержимое стакана, ко-

торый Каннингем наполнил для себя. Затем задул свечи, открыл шторы и сел у окна наблюдать за луной, сегодня едва уловимой за серыми тучами.

Еще один день, и его война будет закончена. Прощай, разведка! Свобода! Сейчас и представить трудно, что скоро он отправится домой в Луксфорд и будет вести праздную жизнь.

С Гаем Бернаром Селеста столкнулась следующим утром, когда прогуливалась по Лез Аль с корзиной булочек и хлеба за спиной. Она могла бы сделать вид, что не заметила его, но Гай остановился, преградив ей путь. Щеки его порозовели, плечи расправились – таким ей доводилось видеть его не раз.

– Ты переметнулась на другую сторону, *ma chérie*? – произнес он с едким сарказмом. – После скандала с Дюбуа поговаривают, что ты стала работать на англичан.

– Это значит, мне стоит больше беспокоиться о результате, Гай, – бросила она в ответ. Игра не новая, сколько бы она ни длилась, обоим известно, что Гай действует не из любви к Франции. Их наняли для работы, это может сделать каждый, кто способен заплатить, – в этом их сила и слабость.

Заметив, что Гай расслабился, Селеста разжала пальцы, лежащие на рукоятке ножа в кармане, и перевела дыхание. Надо узнать, что он задумал, как намерен действовать, хотя разумнее было бы прислушаться к внутреннему голосу и бежать. Только благодаря связям Гая она еще не лежит в

могиле. За первые восемнадцать месяцев работы он спасал ее бесчисленное количество раз, что она, разумеется, ценила. Молодая женщина, тем более благородного происхождения, не выжила бы в Париже Наполеона и неделю без помощи. Страшно представить, что могло бы с ней произойти без поддержки Гая.

И она многому у него научилась. Прежде всего, как выстоять, бороться и добиваться в этом успеха. Она возродилась из пепла и теперь шла по жизни с ножом в руке и ненавистью в сердце. Благодаря Гаю она смогла отточить мастерство и научилась скрывать желание мстить. Теперь она могла быть совершенно разной, умела носить тысячи масок. Той Селесты, в которой едва теплилась жизнь после убийства отца, больше не существовало. О ней она не любила вспоминать. Та женщина перенесла слишком много боли, ее сердце разорвали на клочки, та женщина не смогла бы вернуться к жизни.

Потому она не отдернула руку, когда ее накрыла ладонь Гая. В конце концов, очень скоро все закончится. А сейчас можно ненадолго принести себя в жертву, ведь таков скользкий путь шпиона, надо любыми способами удержаться на ногах, чтобы не упасть замертво.

– Ты совсем одна, Брижит. И я ничего не знаю о тебе, о том, кем ты была.

Было время, когда Гай Бернар ей нравился, ее восхищала энергия и задор, с которым он говорил о будущем Фран-

ции. Правда, до поры, пока она не начала понимать одну за другой многие истины, в том числе что на пути к цели он не готов ограничивать себя моральными принципами. Гай был страшным человеком, к тому же много пил. К концу первого года их брака она отказала ему в близости, хотя оставалась с ним под одной крышей еще шесть месяцев ради выполнения общего для них задания.

Они были, в сущности, неплохими партнерами, еще тогда Гай взял за привычку сообщать ей все, что услышал, на случай, если ей еще не донесли. Мадемуазель Брижит Герен была придумана от макушки до пяток, по сути, она появилась из окутанного дымом зеркала. Гай использовал для нее документы, которые стянул у шлюхи, умершей в одном из переулков в Марэ. Они с Селестой были почти одного возраста и типа – волосы, глаза, рост, – что пригодились бы, задумай кто-то прочесть описание в документе.

Бумаги оказалось вполне достаточно, чтобы оформить брак, получить прошлое и настоящее, а с ними и будущее; к тому же новое имя стало еще одной стеной защиты, преграждающей путь к ее истинному Я.

Парижу нельзя доверять, как и долгое время оставаться никому не известной личностью.

Брижит Герен заняла свою нишу, и теперь на нее еще труднее стало выйти тем, кто знал об ошибках отца. Здравый смысл и уличная выучка Гая обеспечивали ей хорошую защиту, они больше никогда не вспоминали, как ее называли

при рождении. Однако политическая ситуация и перемены отдалили их друг от друга, она больше не могла переносить перепады его настроения, взрывы и периоды бездействия.

Она сама нанесла удар, используя навыки, которым он ее научил. Она впитала в себя это знание, оно проникло под кожу, заполнило ее кости. Какое-то время Гай преследовал ее, уверял, что изменился, однако, не получив шанса, пошел другой дорогой, к другим женщинам, многие из которых были совсем юными. Ее это не беспокоило, ведь она знала, что в прежней жизни даже не взглянула бы на такого мужчину.

– И кто же ты сегодня? – Он оглядел ее брюки и пиджак, а потом заплечную корзину с хлебом. – Посыльный булочника? Мальчик с рынка? – Он схватил булочку и откусил. Крошки посыпались на темную клокастую бороду. – Бенет хочет, чтобы ты появилась и объяснила, что не так с Дюбуа. Он считает, твоя преданность организации под вопросом.

Она сделала шаг и наклонилась к нему.

– А твоя нет, верно? Луи Дюбуа было семь лет, а Мадлен Дюбуа не исполнилось и пяти.

Он выругался, грязно, как привык на грубом Западе, – всплывшее внезапно прошлое. Серьезная ошибка, любой, даже неопытный агент сразу бы понял, кто этот человек на самом деле. Или каким был когда-то.

– Они не должны были там находиться.

– Полагаешь, это оправдание?

Будто осознав, что допустил промах, он заговорил о деле:

– Майор Шейборн – английский шпион – сейчас в городе. За такую жирную добычу Бенет тебя простит.

– Ты о том, кто лучший в разведке Уэлсли? – В голосе ее было столько удивления, что она не могла не похвалить себя за отличную игру.

– Именно о нем. Он нарушил правило о досрочном освобождении в Байонне, хотя, по правде говоря, мог бежать, пока его везли через всю Испанию, и укрыться у партизан. Хочешь знать, зачем? Думаю, это подтверждает правильность версии о том, что англичанин прибыл в город, чтобы выяснить как можно больше о Великой армии: численность, направление движения, вооружение и кое-что о маневрах и планах. Когда мы его поймем, повесим тайно, а то люди, чего доброго, сделают из него мученика и станут оплакивать.

Селесте все это уже было известно. Впрочем, самое ценное то, что он не сказал. Значит, им не известно о связи с Джеймсом Макферсоном, как и с американцами. Не стоит сомневаться, что Гай непременно бы ей это сообщил.

Откуда же он получил информацию? Спрашивать об этом нельзя.

За ней тоже следили; она видела их сегодня уже дважды, на значительном расстоянии. Люди неизвестные. Откуда они? Из тайной полиции или военного министерства? Или муниципальной гвардии Парижа?

Воронка закручивается, затягивая их с возрастающей скоростью. Все смешалось: факты, гипотезы, тайны. Действия

Наполеона против России зародили во многих убежденность, что вскоре ситуация выйдет из-под контроля.

Ей придется оставить Саммерли на произвол судьбы. Пусть распоряжается фортуна или рок. Он всегда любил риск и оказывался в выигрыше. Впрочем, удача не сопутствует человеку вечно. Она знает это лучше многих. Разум велел бежать из Парижа, однако ноги отказывались подчиняться. Глупые сантименты или пророческое предупреждение? Картину лучше рассматривать на расстоянии, иначе не увидишь перспективу. Это было первое правило шпионажа, которое она усвоила.

Селеста закусила нижнюю губу, и Гай улыбнулся, неверно истолковав ее поведение.

– Возвращайся ко мне, Брижит. Вместе мы со всеми справимся. Я буду тебя защищать.

– Полагаю, мы давно покончили с подобными разговорами. К тому же с чего ты взял, что мне не хватает того, что я получаю сейчас?

Необходимо увести его мысли подальше от правды, и она избрала для этого лучший способ. Гай свято верил в несокрушимую силу денег, понимал и принимал этот принцип. Порой казалось, что они похожи больше, чем она думала. В их душах одинаково пусто.

– От кого? – настороженно спросил он.

– Люди в этом городе готовы щедро платить за то, что можно услышать в нужном месте. Банкиры, мужчины, владе-

ющие недвижимостью. Если все рухнет, им надо знать заранее, когда продавать, а когда покупать, чтобы получить прибыль.

– Ты продаешь этим мужчинам не только секреты, но и тело? – Он склонился ниже и сжал ее плечо.

– Если и так, это больше не твое дело, Гай. Попытаешься сделать мне гадость, узнаешь, кто они. Учти, им это очень не понравится.

Она ждала, последует ли наказание за угрозу, и в глубине души желала подобного исхода. Это поможет поставить точку, закончить отношения. Быстро и просто.

Селеста в тысячный раз задумалась о том, где же теперь ее истинное Я. Лживость стала второй натурой, арсеналом ее уловок она пользовалась все чаще. Но Гай отпустил руку, и это обрадовало.

– Шлюха-то из тебя так себе, Брижит.

Она напряглась, но не ответила на оскорбление. После смерти отца принципы, за которые она некогда цеплялась, перестали существовать. Ими не руководствовалась новая женщина, с новым именем, мужем и жизненными обстоятельствами. Ее отличительной чертой стало безразличие. Селеста была настолько сломлена, что не сразу заметила, что легко соглашалась на интимные отношения, если это помогало делу и позволяло получить нужные сведения. Дно бочки оказалось не таким ужасным, как ей представлялось, кроме того, успокаивало, что ниже она уже не падет.

– Бенет хотел тебя видеть.

– Думает, я смогу найти английского майора?

– Офицер разведки Уэлсли – солидный куш. Искушение.

Возмещение. Твоя преданность Франции будет видна, словно ее положили в центр тарелки.

– А Шейборн пойдет как первое блюдо?

– Думаю, это лучше, чем быть под наблюдением.

Селеста украдкой улыбнулась.

– После вчерашней заварушки твоим друзьям придется искать новые доказательства преданности, Брижит.

Она открыла рот, но вовремя себя остановила. Они повесят и гадюке в корзине с яйцами.

– Приду, как только смогу.

Гай покачал головой:

– Бенет ждет тебя через час.

– Что ж, хорошо.

Селеста задумалась, сможет ли она убить Гая, если потребуется. Встретив его взгляд, она убедилась, что он думает о том же. В конце их отношений Гай несколько раз избивал ее. Сначала ей казалось, что он прав, она заслуживает такого отношения. Потом он сломал ей три пальца, и она ушла от него, не обернувшись.

Маттьё Бенет, недавно продвинувшийся в верха и добившийся положения, позволяющего управлять парижской операцией, ждал Селесту в небольшом доме в ближайшем к рю

дю Фобур переулке. Он выглядел усталым. Прядь волос на виске, из тех, что он зачесывал наверх, дабы прикрыть значительную лысину, свисала, почти касаясь плеча. Она с трудом сдержалась, чтобы не сделать несколько шагов и не вернуть ее на место.

Бенет сразу перешел к делу, словом не обмолвившись о Дюбуа. Это немного успокоило, хотя тот факт, что он не стал задавать вопросы о ее роли в операции, не сулил ничего хорошего.

– Военное министерство Наполеона стремится выяснить, есть ли доля правды в слухах о том, что майор Саммерли Шейборн, лучший разведчик Уэлсли, находится в городе? Если англичанин действительно здесь, они не хотят, чтобы он создавал проблемы, и это было отмечено особо. Нам не нужны осложнения в политической ситуации, которые может вызвать его присутствие.

– Значит, мы ничего за него не получим? Никаких переговоров об освобождении? – спросил Гай, и Бенет покачал головой.

– Никаких. Но мы можем сами его допросить, прежде чем покончим с ним навсегда. Военное министерство требует его голову, Анри Кларк становится все мрачнее с каждой новой удачей англичан. Действия британской разведки в последнее время хорошо спланированы и чрезвычайно вредоносны для нас, пришло время остановить шпиона, и посмотрим, что будет дальше.

– Заткнуть его навсегда?

– И чем быстрее, тем лучше. У каждого органа власти в городе есть свои люди, и они действуют, такой добыче все рады. Надеюсь, мы станем первыми.

Затем на стол была выложена карта Парижа, на ней очерчен район, который Селеста посещала прошлой ночью. Они приближаются к Шейборну. Если он не отнесся серьезно к ее предупреждению, его неминуемо схватят, ведь число людей, лояльных к действиям его страны, во Франции не так велико, как в Испании или Португалии. Ему могли бы помочь священники, учитывая их возмущение национализацией церквей, но не стоит надеяться, что на это пойдет простой гражданин. Наполеон не глуп, наобещал всем повышение условий труда и качества жизни. Пролетарии слишком долго были изолированы от политической жизни и теперь цепляются за надежду улучшить свое положение, как тонущий в бурном море за спасательный круг. Шейборн останется в этом опасном городе один, и выжить ему поможет лишь чудо или острота ума и поддержка случайных сторонников.

Селеста выдохнула и заговорила:

– У меня есть надежные осведомители здесь и здесь. – Она ткнула пальцем в две точки на карте. – Мы скоро все узнаем об этом шпионе.

– Мы полагаем, он все еще носит солдатский мундир, разумная маскировка в городе, наводненном военными.

Селеста нахмурилась.

– Разумеется, я не ожидаю, что на нем будет красный мундир Британской армии, скорее, что-то потемнее и менее заметное.

– Возможно, – вмешался Гай, – на нем будет форма одной из стран – союзников Франции. А может, он носит с собой топор, которым рубят англичан?

– Хороший вопрос. И правильный, – произнес Бенет после короткого молчания. – Ламбер, узнай, сколько в Париже посланников президента Мэдисона и чем они занимаются. Дело требует осторожности и деликатности, но я хочу, чтобы информация была у меня на столе, как только появится.

«Вопрос нескольких часов», – подумала Селеста. Интересно, в штабах военных разведок других стран ведутся подобные разговоры? Если Шейборна удастся поймать, его ждет страшный конец, она не сможет его предотвратить. Случайно перехватив взгляд Гая, она увидела вопрос в глазах и поспешила отвернуться.

Временами она ненавидела этих людей столь яростно, что хотелось немедленно сбежать. Однако порой появлялись проблески гордости, о которой давно позабыла, за то, что может защитить невинного человека, случайно попавшего под перекрестный огонь в политических баталиях. Эти мгновения были ее покаянием и спасением.

Возвращаясь домой по набережной Сены, мимо цветочных рынков, Селеста увидела похоронную процессию и по-

думала, что так же везут сейчас Дюбуа. Их тела доставят в Нант, на сельское кладбище, там и будут похоронены убитые члены семьи. Мысль о том, что среди покойных есть дети, заставила ее остановиться и перевести дыхание.

Un malheur ne vient jamais seul. Беда никогда не приходит одна. Селеста вспомнила о сестре, которую в десять лет забрала у них болезнь. Теперь она лежит в маленьком гробу на семейном кладбище, у южной стены, в Лэнгли. Невозможно забыть безумие, охватившее маму, и скорбь отца. Здесь, в Париже, над которым носится освежающий летний ветерок, все будет происходить так же? Будет ли французский ребенок так же сильно горевать, мучиться догадками о людском предательстве, будет ли разрывать его душу тоска и непонимание, почему так сложилась жизнь?

Элис. Ее светлые волосы всегда источали сладкий аромат. Она была послушной и спокойной, порой даже слишком.

«Лучше бы это была Селеста. Он должен был забрать ее».

Она и сейчас слышала эти бесконечно повторяемые слова матери, разносившиеся в тишине дома вечером, после похорон сестры. Их иногда прерывал успокаивающий голос отца.

Сердце вновь нестерпимо сжалось, как случалось всякий раз в момент воспоминаний. А есть ли у нее сердце? Или вместо него в грудь вложили камень, который и сейчас там, весь в крови от разрывающей тело ярости, терзаемый страхами и горем.

Селеста обхватила рукой горло и почувствовала слабую,

прерывистую пульсацию.

Она спасет Шейборна и уедет из Парижа. А пока постарается что-то исправить в себе самой, ведь Саммер – хороший человек, принципиальный, настоящий герой. Она же всегда была его противоположностью. Таким и будет направление ее действий, правильных и достойных, пожалуй, впервые за многие годы.

L'enfer est pavé de bonnes intentions.

Селеста улыбнулась. Да, дорога в ад вымощена благими намерениями. И она пойдет по этой дороге напрямик в ад, и пусть, ведь ее намерения благородны. Она поклялась в этом именем покойной сестры и распятого Иисуса.

Привычно нащупав в кармане четки, она принялась перебирать бусинки, все равно мысленно считая, сколько раз произнесла молитву Аве Мария. В детстве она часами перебирала четки, вознося молитву под строгим присмотром религиозных родителей. Так было до того январского утра, когда Мэри Элизабет Фурнье прыгнула с крыши дома бабушки. Отец рассказал ей о поступке несчастной матери вечером того же дня, вскоре после того, как она лишилась девственности с Саммерли Шейборном.

– Вера поддерживает нас лишь до определенного предела, Селеста. Только стойкость – настоящее подспорье для нас в жизни. Твоя мать приняла католичество ради меня, и я не уверен, что в душе она истинно верила. – Отец сидел перед ней, держа в одной руке бокал с бренди, в другой – пустую

бутылку. Глаза его покраснели, веки опухли. — Возможно, мне никогда не стоило на это надеяться.

Стойкость.

Селеста сглотнула вызванную злостью горечь. Отец, как и мать, не обладал этим качеством. Иногда ее посещали мысли о том, что родители, должно быть, совсем ее не любили, раз выбрали для себя такую жизнь. Мать погрязла в пороках, с ней случались то истерики, то приступы меланхолии. Отец же был одержим эфемерными идеями и утопическими стремлениями.

Она же металась между ними, как шар, который любой желающий может загнать в удобную лузу, чтобы одержать победу над соперником. И заплатила за это высокую цену. В результате никто из них не выиграл и не получил преимущества, и уж меньше всего она. Отец лежал в общей могиле на окраине Парижа, а мать — в сырой земле Суссекса. После смерти они были так же далеки, как и при жизни.

Успокаивало лишь то, что хоть в этом просматривалась некоторая справедливость.

Тем вечером она наблюдала за окнами Шейборна, разглядывала шторы и мелькавшие за ними тени. Любопытно, что за гость может быть у него в такой час? Ответ она получила, когда через несколько минут распахнулась дверь и на улицу вышел мужчина в одежде священника.

Англичанин смотрел ему вслед из окна, хотя и старал-

ся оставаться незамеченным. Его выдавало лишь легкое колебание шторы. Горевшая за спиной свеча была предусмотрено потушена. Селеста размышляла, стоит ли проследить за гостем майора, но, поскольку человек не показался ей знакомым или чем-то примечательным, она решила остаться в укрытии под кроной ветвистого дерева. Ночь, на ее счастье, оказалась темной, скрытой плотными тучами луне редко удавалось вырваться, чтобы осветить этот мир.

Селеста уже собиралась уходить, когда на улице появилась еще одна фигура. Оказавшийся на пути прохожего фонарь позволил разглядеть лицо, и она с ужасом поняла, что это Гай Бернар. В отличие от нее он не прятался в темноте, а спокойно стоял, и это было для нее очевидной угрозой. Его действия могут привести всех троих к краху. Видимо, Гай не знает наверняка, что Саммер находится в этом доме, ведь тогда он действовал бы жестко и без колебаний. Что же тогда привело его сюда? Предчувствие? Донос? Самое вероятное из возможных вариантов. В этом доме пятьдесят квартир, а в том, что напротив, еще сто.

Люди здесь жили в тесноте, и это поможет Шейборну. Скорее всего, выбор его сделан в пользу места, потому что здесь царит суматоха, а жильцы меняются постоянно. Новый человек, особенно в форме, не привлечет внимания, ведь на улицах таких много.

Селеста прислонилась к шершавому стволу, опустила веки и будто слилась с деревом в одно целое. Лишь с первыми

лучами солнца она открыла глаза, огляделась и обнаружила, что Гая нигде нет.

* * *

Через пятнадцать минут после того, как в семь часов пробили колокола церкви Сен-Лё, Селеста уже шла за Шейборном, но на значительном расстоянии, чтобы он не смог ее заметить. Целью было понять, куда он направляется.

Она держалась в толпе людей, дабы не обнаружить себя. Слежка была частью ее работы, а она хорошо знала свое дело. Никто не обратил на нее внимания, ни разу не обернулся, в том числе и Саммер. Он шел по улице с таким видом, будто не сомневался, что находится в безопасности, и совсем не производил впечатления человека, который скрывается или нуждается в помощи. Со стороны он был похож на солдата, недавно вернувшегося с войны и теперь мечтавшего тихо жить в уголке уцелевшего мира, где можно обрести спокойствие. На нем был другой мундир, и это радовало. Темно-синий китель и серые брюки сейчас лучше смотрелись на улицах Парижа.

Уже много позже Селеста поняла, что Шейборн вычислил ее сразу, еще у дома. Он дважды взглянул на нее, нагнувшись, а позже, встав под полосатый навес кафе «Три официанта», схватил за руку и потянул к себе.

Они стояли совсем близко, скрытые от глаз прохожих плотным холстом. Теплый воздух окутывал только их двоих.

Селеста не вскрикнула и не попыталась вырваться. Нож лежал в кармане, колено было готово нанести удар, но она ждала, потому что с первой секунды знала, что это он.

– Ваш способ маскировки хорош, мадемуазель Фурнье.

Она улыбнулась, сочтя, что любой ответ будет неуместным и глупым.

– Но разносчик хлеба не может позволить себе роскошь бесцельно болтаться по улицам. И луна прошлой ночью была полной.

– Когда ты понял, что это я?

– Через минуту после того, как ты явилась предупредить меня, натянув седой парик. Раз пришла, значит, хотела быть узнанной.

Она посмотрела прямо ему в глаза. При дневном свете их золотистый оттенок был еще ярче, но в них появилась настояженность, та же, что у нее.

Перед ней был уже не юноша, а суровый мужчина, закаленный войной и страданиями.

– У вас не так много времени, месье. Завтра до заката к твоему другу-ювелиру придут гости, и после им будет проще тебя отыскать. Они уже знают район, где ты живешь.

– Ты работаешь на Савари или Кларка?

– Не разочаровывай меня подобными вопросами, майор. Попробуй еще раз.

– Ты сама по себе. Торгуешь секретами по самым высоким ставкам.

– Теплее. – Она выдержала его взгляд и не отвернулась.

– Тогда ты ведешь опасную игру, в ней невозможно выжить.

– Думаешь, меня это тревожит?

Взгляд его застыл.

– Думаю, это должно тревожить твоего отца.

– Он давно мертв.

– Как?

– Война не обходится без жертв. – Ей не понравилось, как дрогнул голос, и она откашлялась, чтобы скрыть это. Однако было поздно. Шейборн, скорее всего, заметил. Она была практически уверена, что заметил.

– Отцу не следовало привозить тебя во Францию.

– Не следовало?

– Я говорил ему, что это может стать непоправимой ошибкой, но он не послушал. Европа погружается в хаос, никто не сможет найти здесь безопасную дорогу. Только простак может быть таким самонадеянным.

– Мы французы, майор, наша жизнь в Англии закончилась. Мы вернулись домой.

Селеста произнесла последние слова с вызовом лишь для того, чтобы скрыть охвативший ее гнев.

– Но в этом доме опасно. Здесь больше анархии, чем порядка.

Говоря это, Шейборн думал о том, осталось ли в этой холодной француженке хоть что-то от милой английской девушки, которую он знал. Черный парик мальчишки не должен был ей подходить, однако очень шел, манеры и поведение были более чем убедительными. Селеста Фурнье всегда, даже в семнадцать лет, знала, как не показать людям себя настоящую.

– Этот шаг не менее опасный, чем твой, когда ты выбирал путь в жизни. Ты не сдержал обещание, данное в Байонне генералу Мармону, поверь, это многим не понравилось. Неужели слово джентльмена уже ничего не стоит?

– Французы собирались меня повесить.

– В форме? – с недоверием в голосе спросила она.

– Не все придерживаются на войне правил. Не думаю, что со мной что-то сделали бы солдаты, перевозившие меня по территории Испании до границы, но там по приказу Мармона меня бы точно передали людям Савари. Я слышал, как мои конвоиры говорили о том, что получили инструкции на мой счет, дабы я никому больше не создал проблем. – Он повернулся и оглядел противоположную сторону улицы. – Кто этот человек? Тот, что читает газету. Я раньше его не видел. Знаешь его?

– Предполагаю, из министерства полиции. Их отличительные черты – высокомерие и некомпетентность. Мы у него как на ладони, кстати, интересую его, скорее всего, я.

– Почему ты?

Селеста понимала, что он может знать, как все обстоит на самом деле, потому сказала правду.

– Несколько дней назад я пыталась помочь одной семье, у них прочные связи с Англией, но у меня не вышло.

«Париж уже сгорбился от страха, а неизвестно, когда эта война закончится», – подумал Шейборн.

– И в связи с этим ты под подозрением?

– Любой неверный шаг может стать для тебя здесь последним. Веры больше нет.

– Веры?

– Все говорят, что Наполеон победит, но никто больше в это не верит. По моим предположениям, его империя начнет уменьшаться к концу следующего года. Ты ведь слышал, он уверен, что возьмет Москву?

Он улыбнулся в ответ и кивнул.

– Поехали со мной в Испанию. Можем отправиться прямо сегодня вечером.

– Я больше не та Селеста Фурнье, которую ты знал, майор. И мне будет безопаснее одной.

– О какой безопасности ты говоришь? За тобой следят и скоро схватят и объявят шпионом.

– В этой жизни есть вещи похуже смерти.

– А какой будет эта смерть, если они узнают, что ты предупредила меня, а потом еще позволила уйти? Тебе не придется рассчитывать на снисхождение.

– Я и не думала.

Он коснулся рукой ее шеи.

– Твое сердце бьется слишком сильно для того, чтобы я поверил в твоё равнодушие. Однако увлечение твоего отца театром сказалось и на тебе, помогает добавить образу естественности. Уверен, многие тебе верили.

– Мы с тобой разные люди, майор Шейборн. Я и прежде не была человеком высокой морали; узнав подробности, ты был бы разочарован. Если хочешь, чтобы я помогла тебе уехать из города, жди завтра в пять утра под аркой в Лез Аль. Да, и никаких вещей. Это твоя единственная, последняя возможность. Если не придешь, больше мы не увидимся. *Вonne chance.*

Саммерли вспыхнул от злости, открыл было рот ответить, но Селеста уже исчезла. Как дымок от свечи. Вот она перед ним, а в следующую секунду уже нет. Размышляя, как ей это удалось, он огляделся и отметил, что на улице стало больше прохожих. Скорее всего, она ждала этого момента, чтобы нырнуть в толпу. Он внимательно оглядел улицу.

Вон она, в сотне ярдов, сворачивает в переулок, прячась за тележкой торговца рыбой. Шейборн не стал задерживать на ней взгляд, ведь в эту минуту за ним могут наблюдать, не стоит забывать об осторожности. Конечно, это несущественно, но все же.

Раньше Селеста казалась ему выше и уж точно не была такой худой. На ее левом запястье он заметил тонкие шрамы. Интересно, откуда они?

Саммерли растревожил ей душу, теперь она долго не придет в себя. С тех пор как умер отец, никто не говорил с ней так откровенно. Внезапно возникло острое, почти непреодолимое желание вернуться в Англию.

Туда, где спокойно и безопасно. В тихое и красивое убежище.

Селеста покачала головой, отвергая свои мысли, и резко повернулась, заметив скользнувшую в сторону тень – верный признак того, что кто-то следовал за ней и спрятался.

Через секунду стало ясно, что людей двое. Гай Бернар и Пьер Алан с обеих сторон взяли ее под руки, кто-то стянул черный парик, бросил и растоптал в пыли.

– Бенет узнал, какую роль ты сыграла в деле Дюбуа, и послал нас предупредить тебя и дать совет. – В голосе Гая чувствовалось с трудом скрываемое раздражение. Кулак его врезался ей в живот так неожиданно, что она согнулась пополам. Губы стали жадно хватать воздух, но он не желал поступать в легкие. – Ты немедленно должна оставить все дела, связанные с личными интересами. Если еще раз будешь замечена в контакте с англичанином, это будет рассматриваться как измена, и предприняты соответствующие меры. Твой случай станет примером другим, пусть знают, что в такие тяжелые времена преданность должна быть полной и несомненной. Смирение и подчинение – вот что главное. В противном случае даже лучший из нас может испытать на себе всю силу

наказания Франции.

В следующую секунду кулак врезался ей в лицо, прямо в передние зубы. В глазах вспыхнули искры. Земля стала быстро приближаться, по подбородку текла теплая кровь и капала на грубую ткань брюк.

– Бенет хочет быть уверен, что ты осознаешь всю серьезность положения. Если такое повторится, ты умрешь. Тебе ясно? Больше милосердия не жди.

Алан уже достал нож. Лезвие сверкнуло и врезалось ей в руку между большим и указательным пальцами.

– Поняла? – грозно произнес он прямо над ее ухом.

– Да, – выдохнула Селеста, чувствуя, как тело охватывает леденящий ужас. Еще несколько таких ударов – и она не сможет добраться до дома. Страх уничтожил прежнюю браваду.

– Смотри на меня, – прорычал над ее головой Гай.

Знакомые интонации подсказывали, что надо готовиться к худшему. Мысль укрепилась, когда он сжал ее горло, жадно поцеловал в губы и прижал свободную руку к левой груди. Из прошлого навалился ужас пережитого. Он появился темный, словно призрак, надвигался и заползал под кожу. Мир почернел по краям картинки, и Селеста стала заваливаться на сторону. Кровь потекла по щеке на камни, когда ноги подкосились, не желая больше ее слушаться.

Очнувшись, она поняла, что одежда все еще на ней, а значит, он не сделал того, что пугало ее больше всего. Осознание подарило временное облегчение. Она перевернулась на бок, едва не потеряв сознание от боли в теле. Содержимое желудка оставило брызги на одежде и камнях вокруг. Из носа текло что-то липкое, рука почти не двигалась, один из передних зубов шатался.

Что ж, она легко отделалась. Удача не отвернулась. От боли в груди кружилась голова. Селеста с трудом смогла застегнуть пуговицы на рубашке. Гай сжал грудь с такой силой, что у соска остались красные следы и по кругу вмятины от пальцев. К счастью, все кости целы. Со временем все проходит, кроме ран в душе. Бенет знал свое дело, а Гай был его преданным и исполнительным слугой. Если бы не желание помочь Шейборну, она бы сдалась, страх взял бы верх и лишил возможности не только действовать, но и помышлять об этом.

Они найдут ее везде и в следующий раз не оставят в живых. Возможно, они позволили себе даже больше, чем требовал Бенет, судя по блеску похоти в глазах Гая. Будь он один, без Пьера Алана, едва ли стал себя сдерживать. Селеста была уверена, что не стал бы.

Дороги их пересеклись, и это стало для нее предупрежде-

нием. Игра мужчин против женщины. Ее спасло то, что никому из них не известна правда о ее личной заинтересованности в деле майора.

Селеста села, взяла в руку кепку и надела на голову, чтобы скрыть от проходящих мимо свое лицо. Сейчас она не сможет сделать и шага, лучше не пытаться. Со стороны она, возможно, будет похожа на пьяного юношу, не рассчитавшего с выпивкой, – обычное дело для мальчишки из низов, не получившего воспитания, глупого и лишенного последней надежды в жизни.

«Дыши глубже», – велела она себе и начала понемногу хватать ртом воздух.

Тугая боль ослабла, она перестала сжимать зубы и выплюнула кусочек мягкой плоти.

– Папа, – прошептала Селеста, радуясь тому, что способна говорить, и одновременно ненавидя за то, сколько мольбы в каждом звуке ее голоса. От стекающих по лицу слез защищало рану на щеке.

Глава 2

Шейборн долго не двигался с места после ухода Селесты, ожидая, когда значительный отрезок времени окончательно отделит их друг от друга. Ради безопасности обоих действия должны быть выверенными и хорошо продуманными. Да, и необходимо предупредить Макферсона. Работа их почти закончена, однако он еще не выполнил то, что надеялся успеть за время пребывания в Париже. Через Макферсона он передал Уэлсли немало важной и нужной информации, она будет полезна политикам и военным стратегам. Возникшие проблемы могли помешать достойному завершению операции.

Наполеон со своей Великой армией сейчас с России, и генерал Уэлсли двинулся на восток, на Францию, с целью догнать остатки французского войска под командованием генерала Сульта.

Шейборн решил, что надо ехать на север Испании. Неприятно лишь то, что придется остаться в этом мундире. Все недели во Франции он носил его, как и обещал, а данное слово он никогда не нарушал, тем более оставаясь в военной форме.

Однако была еще одна проблема – Селеста Фурнье. Если она его нашла, значит, могут и другие. Кроме того, ее предложение было более чем соблазнительным. Саммерли хотел выяснить, почему она так внезапно покинула Суссекс, по-

чему не нашла его позже и почему скатилась до теперешнего положения, как оказалась в мире жертв, предательства, ухищрений и ловушек.

Шейборн вышел через ресторан на улицу позади него и пошел переулками к Монмартру.

Квартира Макферсона была на полпути к улице Абес. К счастью, ювелир был дома – вставлял в золотое кольцо крупный бриллиант.

– О нас известно организации тайной полиции и военному министерству. Собирайтесь и немедленно уезжайте.

Серые брови поползли вверх.

– Каннингем говорил то же самое при нашей последней встрече. Его предупредил Белый голубь.

– Белый голубь?

– Женщина, которая иногда передает нам предупреждения. У нее столько имен, что я и не вспомню настоящее. По слухам, ее отца шесть лет назад убили англичане.

– А где была она сама, когда это случилось?

– Здесь, в Париже. Еще одна потерянная душа в этой огромной империи.

Шейборну стало не по себе. Неужели он говорит о Селесте? Она была рядом с отцом, когда его убили? Видела все собственными глазами?

– На кого она сейчас работает?

– На всех и ни на кого. Я хорошо плачу ей за то, что она помогает Британии на пути достижения благих целей и успе-

ха. Впрочем, иногда она сообщает ложные сведения, так что не могу с уверенностью сказать, что она на нашей стороне. Осмелюсь предположить, она работает на одну из групп тайной службы, что возглавляют не вполне чистоплотные, но занимающие значительное положение люди Наполеона. Как и всем нам, этой женщине нужны средства для существования.

Бог мой, все, что он знал о Селесте, перевернулось с ног на голову. Теперь это была порочная, импульсивная, надменная женщина, по-прежнему красивая, похожая на свою мать, но более эффектная. Зачем она приходила к нему, подвергая себя риску? Он что-то упускает, отчего головоломка не складывается.

Одежда, которую она теперь носила, вызывала еще большее удивление, ведь Август Фурнье был богат, некогда наряды его дочери были предметом обсуждений во всем графстве. С таким состоянием Селеста должна была вести светский образ жизни, могла выйти замуж, за кого пожелает, и не знать бед. И все же по какой-то причине она поступила иначе.

Однако Макферсон не закончил, после минутной паузы он продолжил:

– Дело в том, что эта женщина наделена качествами, которые сразу не разглядеть. У нее добрая душа. Прошлой зимой, когда я болел, она неожиданно принесла мне лекарство, а на днях пыталась спасти семью, которая случайно оказа-

лась на переднем плане в политических играх.

Теперь Шейборн был уверен, что речь о Селесте, она упоминала тот же случай.

– И как?

– Она предупредила их об опасности. К ним пришли, когда они уже были готовы уехать.

– В чем была их вина?

– Муж убил человека, оскорбившего его жену. Вы понимаете, понятия о чести сейчас изменились, большинство парижан запутались в нитях правительственных интриг. При всех свободах, объявленных Наполеоном, инакомыслящих преследуют.

– Каким был этот Феликс Дюбуа?

– Ах, вы слышали об этом? У Белого голубя свои понятия о чести, но если уж я знаю о ее причастности, то наверняка и остальные. В доме Дюбуа были найдены документы, свидетельствующие об их помощи британцам. Поговаривают, что их передала именно эта загадочная женщина. Ей надо проявить осторожность, иначе во всем обвинят ее. Если она еще жива.

Шейборн молил Бога, чтобы посыльный пекаря добрался до дома в целости и сохранности.

– У меня есть сведения, что меня разоблачили, ваше имя тоже упоминалось. Не играйте с судьбой, Джеймс, уезжайте в Англию, Каннингем так и сделал. Могу предложить вам уехать завтра.

Пожилой мужчина лишь покачал головой.

– Ради чего? В Шотландии для меня больше нет места, я так долго живу во Франции, что она стала мне домом.

– Это уже не тот дом, что прежде, здесь все изменилось. Страна в сложном положении, Наполеону через несколько лет будет еще хуже. Ваше имя наверняка занесут в список тех, кого надо допросить в первую очередь...

– Я с самого начала знал, что меня ждет в конце, но это ничего не меняло ни тогда, ни теперь, Шейборн.

– Вы поверили басням Наполеона?

– Нет, разумеется. То, во что я верил, давно умерло. Мне осталось лишь молиться о милости Бога к душам людей, павших на этом пути, как и к тем, кто взывает к мести, кто верит в правду и справедливость.

– Это будет не ваша битва, Джеймс, она слишком опасна.

Глухие стуки внизу заставили обоих подняться и одновременно направиться к дальней стене комнаты. Они готовились к этому, ждали много недель, с того дня, как Наполеон покинул Париж, оставив за собой хаос и неразбериху во всех сферах. Несмотря на множество фракций, жаждущих власти, страна находилась в вакууме.

– Вы первый. – Мужчина попытался возражать, но Шейборн подтолкнул его к открывшемуся в стене ходу и опустил небольшую платформу, закрепленную на толстых веревках. Подождав, пока послышится звук удара дерева о камень, подтверждающий, что доска скатилась вниз, он закрыл

ход и повернулся к нему спиной. Скрип лестницы и топот шагов внизу подсказывал, что враг уже близко.

Оглядевшись, он взял табурет и развернул его, закрываясь, будто щитом, сжав в другой руке толстый кусок каната.

Вошедшие были не в форме, значит, военные не имеют к этому отношения, но по их виду нельзя было определить принадлежность к какой-то организации. Все еще можно было исправить, получи он возможность произнести хоть слово, но выстрел раздался мгновенно, и в правом бедре взорвалась боль. Тело охватил холод, перед глазами все поплыло. Последней мыслью была догадка, что пуля задела артерию или кость, потому что он больше не чувствовал ногу. Его одолела невыносимой силы тяжесть, и мир померк.

Шейборн очнулся в темном помещении, привязанный к стулу. И крепко привязанный. Перед ним сидели двое мужчин. Один только что вылил ему на голову ведро холодной воды, что и привело его в сознание.

– Кто ты?

– Капитан Джон Бартон, пехотный полк, один из тех, кого послал президент Мэдисон.

– Ложь. Ты майор Саммерли Шейборн из Одиннадцатой бригады и служишь генералу Уэлсли, ты два года шпионил для него в Испании.

– Не понимаю, о чем вы.

– Не понимаешь, майор?

Перед глазами замелькали люди, потом перед ним появилось лицо одного из солдат, конвоировавших его в Испании после захвата французами в северо-западной провинции.

– Волосы этого англичанина темнее, сэр, но манеры не изменились. Это он, я уверен.

– Благодарю за службу. Свободен.

Затем последовал удар в челюсть, усиленный вспышкой ярости, странный звук в голове и опять боль. Возможно, сместилась кость. Шейборн тряхнул головой, чтобы вернуть себе ясность видения. Второй удар был мягче и нанесен в нижнюю часть спины сзади, третий пришелся на поврежденную ногу. пытка – вещь простая, но эффективная.

– Признавайся, что ты майор Шейборн, и мы оставим тебя в покое.

«До повешения», – подумал Саммерли. Хотя, возможно, ему просто воткнули нож в горло.

Судя по земляному полу, они находятся в подвале, такой пол быстро впитает кровь и уничтожит все следы.

– Кто... вы? – с трудом выговорил Шейборн.

Ему никто не ответил. Это не люди Савари, те бы не упустили возможность козырнуть положением, учитывая наблюдавшийся перевес сил во власти. Скорее всего, они не из военного министерства. Такое отношение к человеку в форме – не их почерк. На него вышла тайная служба Наполеона, о которой говорил Джеймс Макферсон? Конечно, он слышал о них, но немного, поскольку они были засекречены даже

для самой разведки. Что ж, надо попробовать включиться в их игру.

– Наполеон до наступления зимы войдет в Россию, для него это сейчас в приоритете. Ситуация в стране позволит англичанам вернуть Испанию.

Ответом был еще один удар, теперь в ухо. Слух резко ухудшился: лопнула барабанная перепонка.

– Жозеф Бонапарт и его маршалы будут выброшены из Мадрида, а за победами Наполеона одно за другим будут следовать поражения.

Еще удар. Во рту появился вкус крови. Если так пойдет дальше, он умрет раньше, чем его планируют убить. И все же Шейборн продолжал говорить:

– Уэлсли погонит Сульта туда, где ему место, потом Британия войдет во Францию, их никто не остановит, потому что во французской армии нет никакого порядка. Это будет триумфальный путь на Париж, к победе.

Их ярость нарастала с каждой секундой. Он понимал, что приказ Мармона убить его, отданный много недель назад в Испании, все еще в силе, тем более здесь.

Он посвятил всю жизнь службе Англии, и умрет за свою страну. Удивительно, но он испытывает спокойствие и даже некоторую отстраненность, будто все происходит не с ним. Возможно, он уже где-то между жизнью и смертью, он слышал об этом чувстве от солдат на полях сражений в Европе.

Дверь отворилась так резко, что он вздрогнул и повернул-

ся. В горло хлынула кровь, смешанная со слизью. Потрясло его то, что в помещение вошла Селеста Фурнье. На ней был наряд потаскухи, красные волосы – цвета крови, огня и предательства – волнами опускались до талии. Разбитая и опухшая губа, на руке повязка.

– Бенет велел мне прийти и опознать его. – Она повернулась к нему, в глазах при этом не было ни сострадания к увечьям, ни намека на то, что она его знала. Только прежняя настороженность, смешанная теперь со злобой.

«Нет, они вовсе не за тех, которые носят синие мундиры», – подумал Шейборн. Эта группа похожа на серо-стальную с пурпурными бликами грозовую тучу над горами.

Он краем глаза оглядел Селесту, отметил впалые щеки и рот, который странным образом оставался соблазнительным. Когда она говорила, на зубах виднелась кровь. Он напрягся и отвел взгляд.

– Знаешь этого английского ублюдка? – Вперед вышел самый высокий из мужчин.

– Видела однажды, но очень давно. Это точно он. Я его хорошо помню.

Она оглядела его с головы до ног, остановившись на мгновение на ране на бедре. Шейборн хорошо мог читать по лицам людей и сейчас видел лишь отвращение.

– Уверена? Готова жизнью поклясться, Брижит?

Она шагнула ближе и наклонилась вперед.

– Мармон приказал убить его. А Бенету нужна информа-

ция. В любом случае Шейборн не выйдет отсюда живым. От тебя зависит, как много он расскажет, Гай. Я бы взяла для убедительности нож. Прошлась бы им здесь. — Она похотливо рассмеялась и указала на промежность. — Даже герои наделены тщеславием, как я полагаю.

Она кокетливо прильнула к стоявшему рядом мужчине. Лиф ее платья скорее подчеркивал достоинства, нежели скрывал их; чтобы выглядеть распутной, ей не надо было прикладывать никаких усилий. Шейборн уловил в ее манере стремление угодить, раболепие, оно отчетливо ощущалось под выставляемой напоказ похотью. Перед ним была обычная проститутка, готовая удовлетворить клиента в ближайшем к Лез Аль переулке. До него доносился аромат духов, его никак нельзя было назвать дорогим и тонким. За ним следовал удушливый запах пота.

— Может, я смогу его разговорить, Гай? Оставишь нас на несколько минут? Пусть это будет мне наказанием за глупость.

Шейборн поморщился, услышав приглушенный смех ее кавалера. Рука его скользнула за край лифа и сжала грудь.

— Приятно видеть, что ты пришла в себя, *ma chérie*. Следовало чаще тебя поколачивать все годы совместной жизни, раз это то, что нужно. Ты всегда быстро училась.

Он наклонился и схватил губами ее сосок, а Селеста запустила пальцы в его волосы, будто намеревалась продолжить ласки.

Глаза Шейборна налились кровью.

Внезапно мужчина стал заваливаться на бок. Метнувшись в сторону, Селеста вонзила нож в другого. Еще через пять секунд связывавшие Саммерли веревки были перерезаны.

– Можешь встать?

Он кивнул, ведь иного пути нет. Если он не сможет, они оба умрут. Его внесли в подвал без сознания, и он не представлял, что увидит за дверью.

– Тогда за мной. Времени нет.

Она направилась в противоположную от двери сторону, указала на отверстие в стене и велела пролезать первым.

– Дальше коридор повернет налево, в ста ярдах будет лестница на улицу. Жди меня в церкви Святой Евгении на рю де Ришер. На гвозде у входа найдешь коричневый плащ. Постарайся не привлекать внимания. Если через двадцать минут меня не будет, уезжай из города, лучше на восток. Они уверены, что ты отправишься в Испанию, и перекроют все дороги. И не появляйся у Джеймса Макферсона, он уже уехал.

– А ты? Как ты выберешься?

Она потянула за ремешок шнуровки на лифе и улыбнулась.

– Так же, как вошла.

Задрав юбку, она показала на флакончик, привязанный к бедру. Не выдержав, Шейборн выругался, но все же на несколько мгновений задержал взгляд, любуясь совершенной формой ноги и белой, словно алебастр, кожей.

– Если тебя схватят, советую драться до последнего, может, удастся победить. Второго шанса бежать не будет.

Многозначительно посмотрев на него, она поставила на место решетку, которая теперь разделяла их, и принялась ножом прикручивать ее к стене.

Шейборн не мог не заметить, что повязка на ее руке пропиталась кровью.

Селеста едва взглянула на тело Гая Бернара, он всегда представлял для нее угрозу, к тому же был бандитом, потому не заслуживал сострадания. Она не жалела, что так поступила, свои долги ему она уже выплатила сполна. Второй мужчина, напарник Гая, нравился ей еще меньше, впрочем, она была уверена, что рана его не смертельна. Конечно, очнувшись, он сможет все рассказать, но времени заканчивать с ним не было, к тому же из сердца улетучилась ненависть, необходимая для убийства.

Селеста потерла ладонями лицо, несколько раз выдохнула, стараясь успокоиться. Ничего не помогало, пульс был сумасшедшим, дрожь усиливалась, обрести сейчас равновесие она сможет, лишь применив волю. Если хоть что-то в ее облике будет наводить на мысль об испытываемом страхе или чувстве вины, она не выйдет из следующей комнаты живой.

Мартин Блан поднял на нее взгляд, а затем снова уткнулся в стол, но лишь после того, как поверил в то, в чем она хотела его убедить, – она видела это и не сомневалась.

Отточенным движением она подхватила пальчиками шелковую ткань и чуть приподняла юбку.

— Допрос заставляет Гая считать, что все женщины мечтают с ним переспать. Ему надо поменьше думать об этом, он становится утомительным.

Мартин встал и, как она ожидала, подошел к ней. Тяжело переведя дыхание, она вытерла лицо рукавом и уставилась на Блана. Раньше, когда ей была нужна информация, она позволяла ему многое, но на этот раз его нужно только отвлечь.

— Гай сказал, английский майор оказался крепким парнем, а я не хочу оставаться там и наблюдать за пытками. Еще он сказал, что потребуется время, и просил не входить, пока сам не позовет. — Селеста дернула плечом и оперлась на край стола. — Пожалуй, выйду на улицу, глотну свежего воздуха. Не проводишь меня? — Она покосилась на свой плащ, лежащий тут же на стуле, и порадовалась, что сможет прикрыться им.

Мартин взял ее под локоть, провел мимо группы мужчин, игравших у выхода в карты, и вытолкнул наружу. Они прошли несколько шагов по улице, и Селеста увлекла спутника за собой в заброшенный магазин, дверь которого была открыта нараспашку. Там, прижав к косяку, она умело надавила ему на шею, применив прием, которому учил ее отец и что всегда срабатывало. Блан, конечно, очнется, но она будет уже далеко. Поразмыслив мгновение, она отволокла его дальше от входа, усадила на деревянный пол спиной к прилавку и подняла ворот куртки.

– Прости, – шепнула она, выбежала на улицу и быстрым шагам пошла прочь от злосчастного места, подставляя лицо освежающему ветру.

Стоило ей переступить порог церкви, как из тени навстречу вышел Саммерли. На носу запекшаяся кровь, правый глаз опух так, что почти закрылся.

– Пошли, только прикрой лицо. – Она старалась не касаться его и не позволила этого ему.

Они прошли через улицу и направились в ту часть города, где она бывала редко. Адрес своей квартиры она решила оставить в секрете, к тому же этот дом ближе. Мельком взглянув на Шейборна, она заметила, что он сильно хромает, а лицо, полускрытое капюшоном, искажилось от боли. Тем не менее он не отставал. Пошел дождь, и Селеста обрадовалась ему: вода уничтожит следы, смыв капли крови, которые наверняка оставались за ними.

В квартире она первым делом направилась в ванную, где ее вырвало над раковиной. Выдававшие ее звуки она даже не пыталась скрыть. Убийства всегда давались ей тяжело.

«Путь жизни мудрого – вверх, чтобы уклониться от преисподней внизу». Отец часто повторял эту строчку из Книги притчей Соломоновых, и Селеста верила, что это истинно так. Она покачала головой. У нее не может быть надежд взлететь к ангелам. Единственное, на что она может надеяться, о чем молить, – быстрый и скорый конец.

Вытираясь сухим полотенцем, она посмотрела на себя в

зеркало. Казалось, кровь Гая Бернара впиталась в кожу, во рту до сих пор ощущается омерзительный привкус железа. На светлой ткани остались красные капли.

Селеста знала, что именно так все закончится, или приблизительно так.

В корзине лежала аккуратно сложенная запасная одежда, и она стала быстро одеваться: платье, одно из тех, что носила в прошлой жизни, шляпка, ремешок, ботинки. Пистолет она сунула в кобуру под юбкой, рядом пристегнула нож, предварительно отмыв лезвие и приготовив для следующего раза. Она готова и вооружена. Все, как ей нравится.

Измазав гуталином лицо и руки, она не забыла поскрести ногтями грубый пол ванной комнаты. Успех зависит от деталей. Она выросла, слушая истории об аристократах, которые шли на гильотину с идеальным маникюром.

Теперь Селеста чувствовала себя более уверенно, внутренняя дрожь утихла. Как бы давно он ни был покинут, но это ее мир. Осталось завершить последнее дело.

Появившаяся в комнате молодая женщина не имела ничего общего с той, что недавно исчезла за дверью ванной.

– Здесь жил твой отец?

– Да. Арендовал эту квартиру в центре Парижа, когда мы только вернулись. Но это было его тайное убежище, тайная жизнь, о которой знали немногие. Место на случай необходимости скрыться от всех, в этом районе он не встретил бы

тех, кто мог его узнать.

– Это было необходимо, потому что он погрузился в политику распадающейся империи?

– И еще он много пил. – Эту фразу она произнесла с меньшим энтузиазмом. – Расплата за рухнувшие надежды. Он встретил мою маму здесь, в Париже, потом они долгие годы жили в Суссексе. Похоже, вернувшись, он понял, что ему уже нет места в этой жизни.

Оглядев комнату, Шейборн увидел много доказательств, что здесь обитал Август Фурнье: книги, трубка, мебель во французском стиле, а также скрипка и полдюжины пыльных бутылок вина и других спиртных напитков.

– Ты бывала здесь с ним?

Селеста покачала головой.

– После смерти папа я оставила эту квартиру за собой на случай, если придется прятаться.

– К тому времени ты уже поняла, насколько опасно дело, в которое втянул тебя отец?

– В его защиту скажу, что он искренне верил, что Наполеон изменит мир к лучшему.

– Изменил? Хотя бы для тебя?

Под маской равнодушия он заметил проблеск гнева и даже порадовался этому.

– Ты ничего не знаешь о том, какой я стала, майор. Тебе повезло, если ты принадлежишь к тем немногим счастливым чикам, которые никогда не разочаровывались в жизни.

– Хочешь сказать, с тобой такое случилось?

– Хочу сказать, что надо уезжать из города, пока о нас не стало известно каждому агенту всех разведок. Я молю Бога, чтобы все, что о тебе говорят, оказалось правдой.

– А что обо мне говорят? – Он вскинул бровь.

– Что ты самый хитрый из всех врагов Франции, что можешь исчезнуть быстрее, чем обычный человек выдыхает.

– Лестно, хоть и глупо. – Он отвернулся, видя, как она улыбается. – У тебя найдется здесь веревка?

– Да.

– А Библия?

Она подошла к шкафу и взяла с полки два тома.

– Католическая или англиканская?

Потянувшись за Вульгатой, он заметил, что ноготь на мизинце ее правой руки сорван, а палец кровоточит.

Ее мысли всегда было трудно понять, даже в юности, когда они вместе гуляли по лугам Суссекса. В шестнадцать она позволила ему себя поцеловать. В семнадцать взяла за руку и привела в сарай в Лэнгли, где легла на солому и призывно подняла юбки. Под ними ничего не было, только кружевная подвязка на бедре. На следующий день она сообщила, что уезжает с отцом в Париж. Немногим позже его отправили в Лондон для поступления в полк. Сейчас ей двадцать пять, ему двадцать шесть.

Они шли по жизни разными дорогами. Интересно, она когда-нибудь о нем вспоминала?

Она была дочерью знатного человека, которую принято вывозить в Лондон на время светского сезона. Шейборн помнил, что сестры у нее больше не было, а с матерью что-то случилось. Единственное, что объединяло ее с прежней Селестой, – наличие силы воли.

– Ты знаешь латынь? – тихо спросил он.

– Да.

Мысли о прошлом отступили, им на смену пришли заботы о насущном.

– *Fallaces sunt rerum species.*

– Вещи не всегда такие, какими кажутся, – парировала Селеста.

Шейборн улыбнулся. Хорошо, что Август был ученым человеком и передал дочери все, что знал.

– Уехать я планирую завтра в полдень. В это время на улицах больше всего людей.

Собрав все необходимое, он устроился на балконе, прислонившись спиной к стене. Нагретый за день камень быстро остыл и теперь приятно охлаждал кожу. Их никто не выследил, никто не знал, что они здесь. Шейборн подумал о том, как верно Август выбрал место – на окраине оживленного мира.

Селеста вышла и села напротив, поджала ноги и обхватила колени. Костяшки на руках стали неестественно белыми.

– Мне не следует ехать с тобой дальше, майор. Меня многие знают, тебе будет легче исчезнуть одному. Я спасла тебя

от ястребов и не желаю скормить волкам.

Он поднес ко рту сигару, одну из тех, что нашел в коробке на столе ее отца. Ее горящий конец мог быть виден в темноте, и он на всякий случай прикрывал его ладонью.

– Кто ты? Кто ты сейчас? – Он говорил нежно, еще не забыв, что произошло в подвале. Вглядываясь в ее лицо, которое было так близко, что его без труда можно было хорошо разглядеть, он не находил ничего от той девушки, что знал много лет тому назад.

Селеста молчала.

– У тебя обручальное кольцо? Ты вышла замуж? – Он попробовал изменить вопрос, чтобы добиться ответа.

– В этом мире женщине трудно одной, майор.

– Он хороший человек?

– Когда-то я так считала.

– А теперь?

Она закрыла глаза и прислонилась головой к стене, давая понять, что больше ничего не скажет. Шейборн решил сменить тему.

– Какой настоящий цвет твоих волос? Я видел их седыми, черными, красными. А помню золотисто-коричневыми.

Она подняла руку и сняла шляпку.

– Вам многое неизвестно обо мне, майор Шейборн, и цвет волос в том числе.

– Когда-нибудь я буду знать все, мадемуазель Фурнье. – Он сделал ударение на слове «мадемуазель». – Я пришел на

следующий день, чтобы благодарить за щедрость, которой ты удостоила меня в сарае в Лэнгли, но мне сказали: ты уже уехала.

Селеста почувствовала, что щеки ее краснеют от стыда против ее желания.

– Едва ли мою девственность можно считать большим призом. – Да, она смогла произнести это вслух. Слова повисли в тишине между ними. Правда была во много раз тяжелее значимости для него такого подарка.

Однако Шейборн не собирался отступать от темы.

– Иногда я задавался вопросом...

Она резко повернулась, и лицо ее оказалось совсем рядом.

– Каким вопросом, майор?

– Ты знала, что отец увезет тебя в Париж на следующий день после?..

– После того, как я отдалась тебе? Да.

– Я думал, ты уехала из-за меня.

Горло сжалось, и она с трудом сглотнула. Сейчас, когда их везде ищут и хотят убить, не лучший момент для исповеди и признаний. Если Шейборну суждено выбраться и жить дальше, то одному, точно без нее.

– Вам не стоило так думать, месье. Мир был открыт для меня, в нем меня ждали встречи с множеством любовников.

От колких высказываний ей становилось еще хуже, чем было раньше. Глубоко вздохнув, она принялась медленно считать про себя. Один... два... три... На двадцати немного

полегчало.

Шейборн заметно побледнел, сейчас следы ударов Гая на лице проявились отчетливее, однако от них лоб не должен покрываться испариной; годы, полные опасности, научили ее распознавать серьезные повреждения. Поднявшись, Селеста внимательно оглядела мужчину.

– Ты ранен? Куда?

Он указал на бедро, и она, переведя взгляд, увидела, что пятно на брюках увеличилось, склизкая жидкость, смешанная с кровью, пропитала ткань. А она-то решила, что это кровь из носа или изо рта.

– Нож?

– Пуля.

– Она еще внутри?

Его длинные пальцы коснулись места раны, и он скривился от боли.

– Да.

– Иди в дом, я посмотрю.

Помедлив мгновение, Шейборн все же встал, прошел за Селестой в комнату и принялся расстегивать брюки. Рубашка в нескольких местах была залатана его руками, о чем поведал неумело выполненный кривой шов. «Все же есть вещи, в которых он не силен», – подумала она и поморщилась.

– Вот. – Шейборн приподнял ногу. Рана посредине бедра была теперь хорошо видна.

Селеста вытащила нож и плюнула на лезвие.

– На счастье, – объяснила она в ответ на его удивленный взгляд. – Однажды цыган в Кале сказал нам с папа, что слюна может снять воспаление. Мы ему поверили.

Пуля застряла на глубине в дюйм. Селеста коснулась ее кончиком ножа, раздался скрежет металла, и она понимала, что это причиняет серьезную боль.

– Пуля врезалась в кость, но не повредила ни вену, ни артерию. Тебе повезло, еще на дюйм в сторону – и ты бы здесь не сидел.

Селеста подцепила пулю, и та выскочила из раны. Маленькая, чуть деформированная посланница тьмы.

Подойдя к корзине с одеждой, она достала большой кусок муслина. Отец всегда говорил, что главное для раны – чистота. Она хорошо усвоила его уроки.

– Прежде нож надо опустить в кипящую воду или подержать над огнем, а потом наложить чистую повязку. Не стоит прикасаться к ране без острой нужды, ведь любая попавшая в нее грязь повышает риск смерти от заражения.

Сам Август черпал знания из книг и личного опыта, он был начитанным и по-хорошему любопытным человеком. Несчастье его было в том, что он выбрал в спутницы по жизни не ту женщину; все годы их брака были дорогой к полному разочарованию.

Мэри Элизабет Фолкнер. Селеста даже не могла определить, какой она была матерью.

Она принялась, с большей яростью, чем следовало, раз-

рывать ткань на полосы и скручивать в аккуратные клубки. Нагреть нож в воде или над огнем нет возможности, придется обойтись слюной.

Шейборн откинулся на спинку кожаного кресла, предоставив Селесте заботу о своем теле. Руки ее были теплыми и умелыми. Закончив, она завязала кончики ткани и встала.

– Хорошо бы приложить мазь, чтобы снять боль, но у меня здесь ничего нет.

– Спасибо тебе.

Его сердце было готово разорваться от боли, но он сжал губы, прикусив страх, ему нельзя дать вырваться. Если рана начнет гноиться, он умрет, но и долго передвигаться с такой ногой не сможет. Разумеется, Шейборн не собирался делиться мыслями с Селестой, вместо этого он попытался отвлечься.

– Расскажи мне об этом мальчишке, – попросил он, кивнув на одежду посыльного булочника, и улыбнулся, видя, что она готова включиться в игру. Мрачные думы сменили мысли о выдуманной легенде.

– Меня зовут Лоран Ру, я с юга. У отца небольшое хозяйство недалеко от Сент-Этьен-дю-Гре, мы выращиваем овощи и возим на рынок в Сен-Реми. Правда, сейчас отец болеет.

– А что ты делаешь в Париже? Что заставило вас перебраться в большой город, месье Ру?

Последнюю фразу он произнес с мелодичным акцентом Прованса. Селеста была впечатлена его способностью непринужденно и ловко переходить с одного диалекта на другой. Он знает несколько языков не хуже родного, к тому же обладает острым умом. «Не человек, а клад», – усмехнулась она про себя. Вероятно, именно эти способности помогли ему пробраться в Испанию и добыть информацию, спасшую Англию. Перед ней совсем не тот юноша из Суссекса. Этот мужчина суровый, чужой и очень опасный. Только вот ставшие темными волосы еще больше подчеркивают золотисто-янтарный цвет глаз.

Она была настороже, но все же не отказалась от игры, а лишь продемонстрировала еще лучшую подготовку – этого он точно не ожидал.

– Я приехал, потому что хотел научиться кожевенному делу, поступить учеником. – Она заговорила на диалекте, который встречался так редко, что был почти никому не известен. – Но у меня нет денег, которые требует мастер, и отец велит возвращаться домой.

– Так бывает со многими. Неприкрашенная правда часто воспринимается как ложь.

Селеста улыбнулась и перешла с мягкого прованского французского на более привычный ей парижский.

– А вы прекрасны в своей роли, майор Шейборн. Все здесь ненавидят вас за мастерство. Знаешь, твое имя возглавляет список врагов новой Франции Наполеона? Тебя называют

правой рукой Уэлсли и неуловимой ищейкой. Это лишь два из множества эпитетов, которые здесь применяют.

Он сидел, потупив глаза, и ковырял пальцем дырку в кресле, из которой торчал внутренний материал.

– Я лишь один из многих. В Испании дюжины групп сопротивления, их поддерживают и помогают тысячи сторонников, у них тысячи глаз и ушей. Это и священник в церкви, хозяин таверны, женщина, продающая букеты цветов на улице. Мальчик с фермы, который передает сведения военным, когда приносит им молоко. Смотритель маяка, который всегда заметит корабли там, где их не должно быть.

Лицо Шейборна выглядело совсем уставшим. Последние лучи заходящего солнца потухли, уступив место серости приближающейся ночи. «Мрак помогает многое скрыть», – подумала Селеста. Сейчас это на руку.

– Многие в Париже верят, что император уничтожит бедность и болезни, что благодаря ему жизнь и условия труда станут лучше, и ради этого они готовы на любые жертвы.

– И ты во все это веришь?

Селеста пожала плечами.

– Намерения Бонапарта трудно понять, еще и поэтому он так силен. Миротворец, всякий раз идущий на конфронтацию. По правде говоря, он уже не такой, как несколько лет назад, когда я готова была жизнь отдать за его идеи.

– Вероятно, так размышлял твой отец, принимая решение вернуться во Францию.

– Все было не так просто. Папа мучился сомнениями, они не давали покоя... – Внезапно она замолчала.

«Пока не убили. Щупальца развращенной власти опутали нас, тряхнули и вздернули. Так поступают с рыбой – бросают наживку, отсекают, и она висит в воздухе с открытым ртом».

– Тебя терзают те же сомнения?

Она печально покачала головой.

– Мне всегда приходилось непросто. Надо было как-то выживать. Я продавала тайны за деньги. Выставила свои навыки на рынок жадности и справлялась.

– Все время скрываясь? – Шейборн обвел взглядом комнату. Внезапно она увидела ее глазами майора – жалкой и обветшавшей. – Живя в темноте? Добывая информацию и обходя то, что может заставить дрожать от страха?

Движение ее головы выразило больше, чем она бы хотела.

– Девушка, которую ты знал, умерла вместе со своим отцом. Уже много лет меня зовут Брижит Герен. Я не та, какой была, майор.

– Все люди меняются, Селеста. Никто в эти трудные времена не может позволить себе роскошь остаться прежним. – В тон ей, он говорил спокойно, почти равнодушно. – Кто научил тебя владеть ножом?

«Что, а не кто», – подумала Селеста и резко встала, чтобы было легче дышать и бежавшая по жилам ненависть – сильная, до тошноты – не вырвалась наружу, окрасив слова

ненужными интонациями. Это уже нельзя будет изменить.

– Пора спать.

Шейборн кивнул, поднял подбородок выше и закрыл глаза. Лунный свет падал на волевое лицо, обезображенное следами ударов у глаз и рта. Селеста засомневалась, не помешают ли они бежать из страны, но сразу возразила себе: если это вообще под силу человеку, то справиться может только Саммер. Она сама уйдет отсюда, как только убедится, что он спит. Она исчезнет, затеряется в большом Париже, чтобы не стать обузой майору.

Она мечтала остаться, но есть вещи, которые ему не стоит знать, в которых она не посмеет признаться.

Все люди меняются.

Было время, когда она верила, что добро всегда побеждает, что плохой режим обязательно сменится хорошим. Так было ровно до той поры, когда белые и черные превратились для нее в серых, и она отлично знала их истинную суть.

Сейчас рядом нет никого, кто бы мог ей помочь. Это ей нравится. Не будет встречных обвинений. Ничего, что позволило бы майору Саммерли Шейборну смотреть на нее с отвращением или жалостью. Все, кто знал ее тайну, мертвы. И это ее устраивало.

К полуночи Саммеру стало хуже, и она поняла, что не сможет бросить его, уйти, оставив лежать, обратив к потолку остекленевшие глаза.

– Тебе надо пить. – Щеки его покраснелись, ввалились, кожа была сухой и горячей.

Селеста зажгла свечу, развязала шейный платок, расстегнула несколько пуговиц рубашки и сразу увидела знакомый шрам. Саммер как-то сказал ей, что в детстве старший брат толкнул его с крыши сарая, и он, падая, зацепился за ветку лимонного дерева. Воспоминания. Их невозможно хранить, как и вычеркнуть из памяти.

Он сделал небольшой глоток вина из открытой ею бутылки, но она заставила его выпить больше.

Селеста размышляла о том, что будет, если люди Бенета найдут их здесь. Гай ничего не знал об этой квартире, она сама приходила сюда редко, едва ли кто-то мог выследить ее. Можно переждать здесь пару дней, неделю, если повезет. Селеста задернула плотные бархатные шторы, но не посмела разжечь камин. Она сама так не раз вычисляла людей, прятавшихся в пустом доме и уверенных, что их никто не найдет, позабыв, вероятно, что из трубы клубится дым. Крыши Парижа помогали раскрыть немало тайн, и она не хотела, чтобы одна из них была ее.

– Оставь меня здесь, – внезапно пробормотал Шейборн. Жар немного спал, и взгляд его стал осмысленным. – Если нас найдет...

– Какое-то время мы в безопасности, но...

– Кто они? – перебил ее майор. – Те, кто меня взял?

– Шевалье. Они подчиняются членам тайного штаба На-

полеона.

– Рыцари? И ты с ними?

Селеста не ответила, и он попытался приподняться и сесть, а потом обхватил голову руками.

– А бородатый мужчина в подвале?

– Гай Бернар. Он был моим мужем.

Шейборн тяжело задышал. Находясь всего в трех шагах от него, она не ощущала тепло его дыхания. То, что шок от услышанного отразился на его лице, ей даже нравилось. Должно быть, дело в тяжелом состоянии, ведь сложно поверить, что майор Шейборн позволил увидеть то, что не хотел показывать.

– Я вышла за него после смерти папа. Париж опасное место для одинокой женщины.

– С ним тебе было спокойно?

– Какое-то время.

– А потом...

– Ты видел, какой он.

– Черт, – выпалил Шейборн резко и со злостью.

– Я совершила ошибку с Дюбуа, это было предупреждение.

– Беззаконие в логове бандитов, иного и ожидать нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.